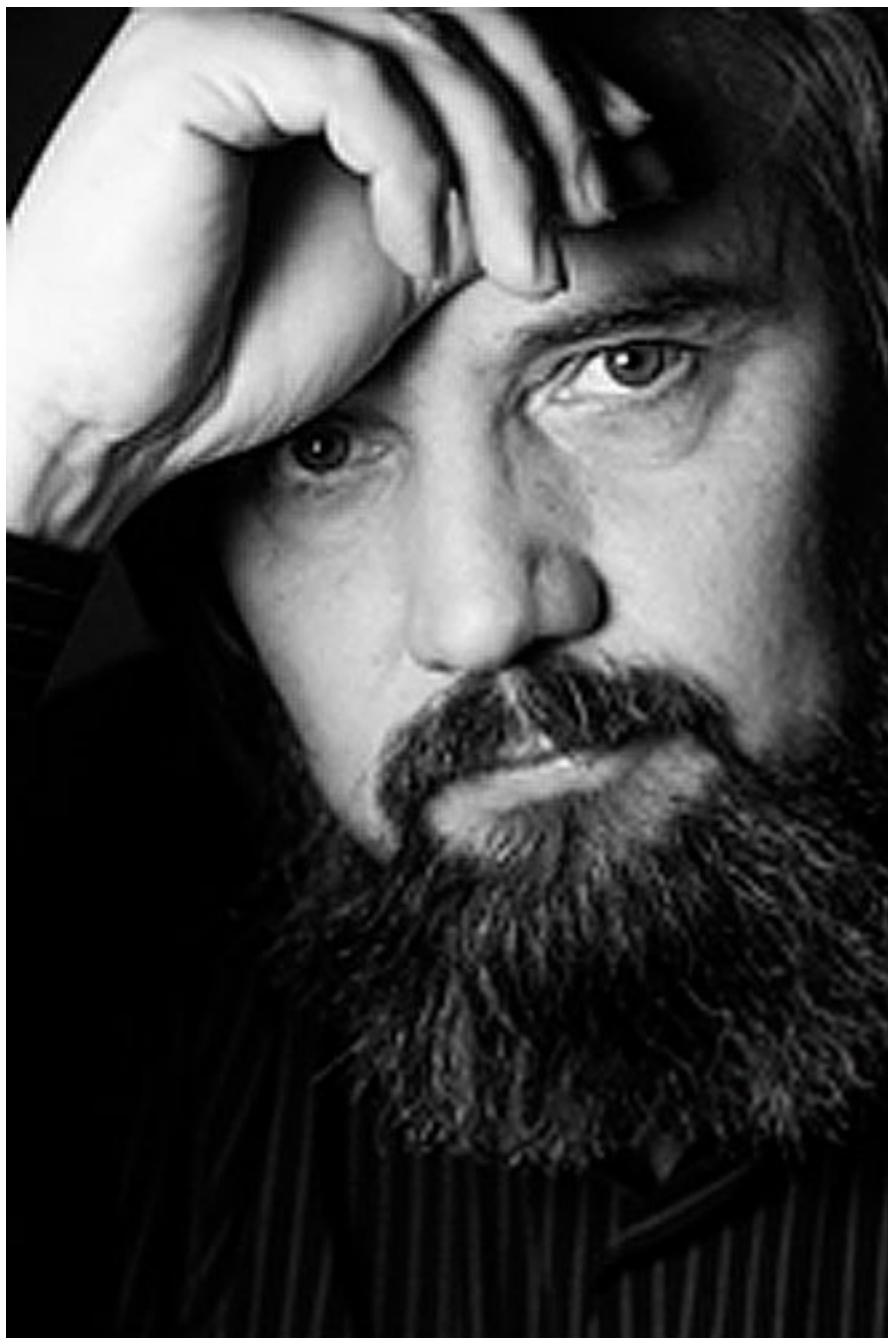

1 место

[Игорь ЛУКШТ, Москва \(Россия\). "Чарка на посох"](#)

Чарка на посох

Ушли, поклонившись младенцу, волхвы...
Густые снега заметают округу -
замёрзшее озеро, лодки, лачуги
и берег покатый с клоками травы.
Под хриплые вздохи студёного норда,
на землю нисходят крахмальные орды,
в утробах шурша облаков кочевых.
Печатью ложится холодный покров
на дранку бараков и золото храмов,
харчевни, жилища, кладбищенский мрамор,
на реки во льду и горбины мостов.
Прозрачна печаль, словно чарка на посох, -
всё сыплется сонно небесное просо,
мир светел, как лунь, отрешён и суров...
Испей свою чашу, калика, молчком,
нам с детства дарована тёплая доля -
петь гимны в тисках золочёной неволи
да оды слагать окровавленным ртом...
Но с нами дорога, и небо, и слово.
Но нищая муза к скитаньям готова -
кого же ты в хоженье славишь своим?

“Влекума любовью и болью, по ком
рыдает душа в долгих шелестах вьюги?
Скрипит над державой заржавленный флюгер –
всё царь, всё разбойник, всё шут с бубенцом,
то юг полыхает, то запад дымится...
И мечется сердце в багряной темнице,
и горло тревожит мольбой и стихом...
С псалтырью и хлебом, нежданы никем,
под небом высоким угрюмой отчизны
по градам и весям, от детства до тризны,
поём ли, глаголем в негромкой строке
о Боге и свете! О льве златокудром...
Пусть будет язык наш, как снег, целомудрен,
как звёздная россыпь на Млечной реке”...

Смеркается рано, мой певческий брат.
Крещение. Крепчает январская стужа -
позёмка над вёрстами дальними кружит,
и путь непокойный метелью чреват.
Лишь белая чайка, в смятенье и хладе,
над нами поводит крылом в снегопаде,
и горные крохи ей клюв серебрят.

2 место

[Елена ФЕЛЬДМАН, Иваново \(Россия\). "Триптих земли"](#)

Рождение

Я прорастаю маковым зерном,
Лимонной костью, виноградным усом,
И ты подносишь мне кувшин с вином –
Бессонный волхв с легчайшим в мире грузом.

Я возвращаюсь из небытия,
Из сладкого густого чернозема,
Обратно в лучший мир – где ты и я,
Где свет в окне, и тополь выше дома.

Прими меня, как в самый первый май,
Дай телу жар и жадное дыхание,
И до утра – держи, не отпускай,
Не позволяй любому расстоянью

Зеленоглазой змейкой проскользнуть
Между сердец, ладоней, лбов горячих.
Сплети мне новый, крепкий, ладный путь –
Взамен туманов и болот незрячих.

Роса кропит полынь и зверобой,
Рассвет идет, травы не задевая,
И ты со мной – ликующий, живой,
И я с тобой – счастливая, живая.

3 место

[МАРКИН Александр, Москва \(Россия\). "Прибалтийские зарисовки"](#)

* * *

Обойма труб немецкого органа
ещё тесней, чем барабан нагана,
и звуки, от низов и до верхов,
глотают жадно воздух из мехов.
Прелюдии, в миноре и в мажоре,
препятствия не видят в дирижёре;
они вольны лететь под облака,
не дожидаясь третьего звонка.

И мы вольны, в прелюдиях Эрота,
достичь глубин, каким не хватит лота,
и воздуха, и солнечных лучей,
где звук зачат, но он ещё ничей.
Где жизнь на берег вышла из глубин,
где и сейчас на пляжи из кабин
выходит столько новых Афродит,
что пена моря столько не родит.

4 место

[Ирина РЕМИЗОВА, Кишинев \(Молдова\). "Розы дольные"](#)

Век идёт

Алеманн ли, эллин или влах -
слов не разобрать в шмелином гуде.
В скатертных миткалевых узлах
накрепко завязанные люди
будто и не слышат: за стеной
скручивая время в рог бараний,
век идёт - то редкий, то сплошной,
пятками по крышам барабана.

Нет ему начала и конца,
просто каждый, глядя из окошка,
из его огромного лица
видит что-то - вскользь и понарошку,
подбирает имя и число:
медный глаз, пятнадцатое веко -
а потом вздыхает: "всё прошло",
и вдогонку: "ночь, фонарь, аптека...".

Век идёт и тает на лету,
обнимая тёплые скудели,
потому что жить не вмоготу
в календарном гусеничном теле,
собственных не чувствуя краёв,
ни кнута не ведая, ни ига,
но по воле умных муравьёв
будучи расчисленным до мига.

Но, когда развяжется миткаль,
пленника из горсти выпуская,
встанет перед ним такая даль,

высота обрушится такая,
что, неловко прошагав квартал,
прежнего быстрее и легче втрое,
он поймёт, что век не перестал,
встанет под него - и зонт закроет.

5 место

[ЧЕРСКОВ Сергей, Донской \(Россия\). "Чистый пустой лист"](#)

Дядя Лёша

Был дядя Лёша -
Дяди Лёши нет.
Азартно пил и наконец упился -
Забавный и неугомонный дед,
Когда-то отмотавший за убийство.

К подъезду гроб спустили. Ожил двор.
Народ собрался - ахи, охи, всхлипы...
Я слышу пиццикато - перебор
Когда-то им самим рождённой скрипки.

Мне первому её он показал -
Поглаживал по грифу, чуть не плача:
- Эх, помнят руки, погляди, пацан,
Почти готова, завтра буду лачить...

Рыбачил, забывая всё и вся...
С весёлым пролетарским красноречьем
Рассказывал, как чудо-карася
Измором брал на нашей чудо-речке.

Ладонью вытирал с обложек пыль,
Давая мне читать романы Яна...
Он много пил, конечно, крепко пил,
Но странно - я его не помню пьяным.

Он счастлив был, что ночи здесь тихи,
Что изредка они ему крошили,
Как хлеб для птицы, горькие стихи,
Его стихи...Но он любил чужие.

Сегодня тянет холодом с реки.
Придёт сентябрь. Потом - другое лето.

Но запертые горькие стихи
Останутся кричать в тетрадных клетках.

6 место

[Елена ФЕЛЬДМАН, Иваново \(Россия\). "Триптих земли"](#)

Лета

У дерева жизни и смерти – серебряный корень,
Кора костяная: ударишь – и эхо несется;
Внизу – непроглядный мазут изначального моря;
Вверху – негатив облаков с полукружием солнца.

Оленьи рога вместо веток; из каменных почек
Железные листья, которые ветру не сдвинуть,
Рождаются с матовым блеском, и в северной ночи
Им вечно звенеть и над темными водами стынуть.

Я каждую полночь, разбужена смутной заботой,
Сижу на ветвях костяных и гляжу в эти хляби.
Зеленые своды пустого подземного грота
Подернуты рябью.

Как холоден мокрый подол домотканого платья!
Тяжелый кувшин не удержишь больными руками.
Но снова прилив – и досадная слабость некстати.
Все льется по кругу живая,
бессмертная память.

7 место

[Ольга АНИКИНА, Сергиев Посад \(Россия\). "Напротив высоты"](#)

Церковь в Хомяково

В Хомяково маленькая церковь
над дорогой, выгнутой губой.
Золотая крепится плацента
к стенке неба, тонкой, голубой.

И, по-птичьи поджимая руки,
молча, чтобы слова не сронить,
хомяковские бредут старухи

бабку Евдокию хоронить.

А слыла когда-то Евдокия
горькою зазнобою села,
той, что трёх мужей в сороковые
у односельчанок увела.

Кто живой – об этом не помянет,
а иным теперь ответ другой.
Топчутся у церковки селяне,
над дорогой, выгнутой губой.

Дремлет небо в кучевом окладе.
Всё, что тлен – то обратится в тлен.

Лишь качнётся колокол, как платье
у округлых девичьих колен.

8 место

[КУДРЯШЕВА Алина, Мюнхен \(Германия\). «Не один»](#)

ПРОСТОЕ

И да я сказала да я сказала да
ты будешь тогда лишь жив, когда одинок.
тебя не убьет огонь, не предаст вода,
земля невзначай не выскользнет из-под ног,

излишняя точность - не вымолвить, сохранить,
впечатать вязью по радужке, по белку,
как маленькая роса, если наклонить
стекает прозрачным солнцем по стебельку

безвыходно ясно, безудержно несветло,
певучее горе фальшивым гудит рожком
хранить себя под стеклом, нести, как стекло,
шажок перед шагом, секунда перед прыжком

бояться ненужных слов, обратимых дат,
отмеривать верный ритм, акцент, поворот
тебя не предаст огонь, не убьет вода,
не выдаст болотного мха приоткрытый рот

касаться воды, пока она не простит

смотреть на огонь, пока он не прогорит,
молчать, пока не можешь произнести
молчать, когда не сможешь не говорить,

разбрасывать камни, растить огород и сад
дышать на стекло, на нем рисовать цветы
когда из немытой пасти чужого пса
услышишь запах света и немоты

когда этот мох уронит тебя в ладонь
укроет в пальцах, розовых на просвет
тебя не предаст огонь, обожжет огонь
оставит на лбу свой продолговатый след

выпаривая других, оставляя твой
колючий запах былинки, реки, гнильцы
ты будешь жив, пока ты весь неживой
горючая невесомость росы, пыльцы

когда ты не сможешь молчать, то смотри в просвет,
как крупно, как мокрая шавка, дрожат кусты
и нет, ты не скажешь нет, ты не скажешь нет
тебя не предаст вода, но, послушай, ты,

когда тебе страшно, в ладошке прижми к щеке
все то, что сильнее смерти: смурной маяк,
осколок слюды, комочек слюны в песке
короткий выдох: маленькая моя

9 место

[СМИРЯГИНА-ДМИТРИЕВА Клавдия , С-Петербург \(Россия\) . "Про котов, тараканов и сны"](#)

Сонное

Выспавшись, беспечно пробудиться.
Кутаясь в халат и тишину,
медленно пройти по половицам,
жёлтым, как медовая горчица,
к настежь отворённому окну.
Боком примостясь на подоконник,
вновь увидеть белую ветлу,
около забора сорный донник,
старенький помятый рукомойник,

накрепко примотанный к стволу.
Съёжившись от утренней прохлады,
вспомнить сельский клуб, костёрный дым,
мальчика соседского браваду,
сладко ощущая, что не надо
так краснеть, встречаясь взглядом с ним.
Взяв ранет с надтреснутого блюда,
с хрустом впиться в крапчатый бочок...

И опять беспомощно проснуться,
чтобы окончательно вернуться
в этот март, не прожитый ещё.

10 место

[ШИРИМОВА Елена , Одинцово \(Россия\) . "Надмосковье"](#)

БЕЛОРУССКИЙ ВОКЗАЛ

У электричек на вокзале
В субботу около восьми
Бездомный с ясными глазами
Мне шоколад совал: "Возьми".

И чужд его фигуре грузной,
Нелепым ярким лоскутком
Краснел в ладони заскорузлой
"Рот-фронт с дроблёным фундуком".

Сидел, наверное, в подвале,
Куря и кашляя в дыму,
Но в праздник много подавали,
Вот подфартило и ему.

Возликовал: дела пошли ведь!
Ходил, кривя улыбкой рот,
Искал, кого бы осчастливить,
Кому отсыпать от щедрот.

Шапчонку на уши приладив,
С торчащей ватой из заплат
Он был отнюдь не в шоколаде,
Всем расточая шоколад.

Картинно, жестами транжиры

В народ протягивал клешню,
Но разбегались пассажиры
И уводили малышню.

Ну правда, где его обитель?
Барак, помойка, крысы, вши...
Едва не плакал: "Не обидьте,
Я ж на свои, я от души!"

Она сверкала вроде слитка
Среди житейского гнилья –
Его надтреснутая плитка
Ценою в тридцать два рубля.

Пальто обтёрханное в складку,
На левой кисти купола...
Бомж предлагал мне шоколадку
На Белорусском. Я взяла.

